

УДК 811.93 + 81:39 + 811.161.1'24 + 339.9

Б. Г. Фаткулин

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ

В статье рассматриваются вопросы цивилизационной составляющей языковой политики независимых центральноазиатских государств. Прослеживаются особенности генезиса терминологии в языках Центральной Азии. Анализируются понятия «цивилизационная гетерогенность», «полилингвизм». Объясняется роль «классических языков» в генезисе цивилизаций и их терминосистем. Дается прогноз развития языковой ситуации в Центральной Азии. Учет фактора цивилизационного генезиса необходим для создания идеологических предпосылок для интеграции на евразийском пространстве. Для развития равноправных и союзнических отношений с центральноазиатскими государствами необходимо изучение их цивилизационной предыстории. «Классические языки» Востока (арабский, фарси) формируют значительную долю понятий в онтологической системе народов Центральной Азии.

Ключевые слова: евразийская интеграция, цивилизационная гомогенность, цивилизационная гетерогенность, «классические языки», терминосистемы, полилингвизм, русский язык, тюркские языки, иранские языки, КНР, многовекторность, языковая политика, европейская цивилизация, Византия, преподавание русского языка, статус русского языка в Центральной Азии.

Российская Федерация является трансконтинентальной страной, заинтересованной в обеспечении устойчивого развития на евразийском континенте. Одним из условий такого развития являются дружественные отношения с соседними странами и выработка согласованной стратегии, призванной отстаивать коллективные интересы государств-союзников перед лицом таких внешних субъектов международных отношений, как США, страны ЕС, Турция, регулировать отношения с дружественным Китаем. Союзнические отношения России со странами Центрально-Азиатского региона способны предотвратить распространение экстремизма и таких инспирированных извне идеологий, как пантюркизм и радикальный исламизм.

Отношения народов России с народами Центрально-Азиатского региона в языковой и культурной плоскостях являются очень важными для интеграционных процессов. Общее прошлое в рамках Российской империи и СССР, объективные предпосылки к мирному сотрудничеству, веками наработанные связи продолжают определять отношения между РФ и странами региона [6]. В настоящий момент все центральноазиатские страны являются в целом дружественными России государствами, проводящими тем не менее многовекторную политику.

Однако союзнические отношения не возникают автоматически, необходимо их развивать и поддерживать, в том числе и за счет так называемой «мягкой силы». Установка на сотрудничество с тем или иным государством может

неоднозначно оцениваться в различных кругах общества, встречать противодействие на уровне элиты. Причины такого отношения части элиты центральноазиатских стран к углублению союза с Россией во многом лежат в цивилизационной плоскости, связанной с вопросами культурной парадигмы и функционированием языков.

Настоящее сотрудничество между евразийскими странами немыслимо без культурного взаимодействия. Народы взаимодействуют через культуры, культуры взаимодействуют через языки. Поэтому для успешного взаимодействия между союзниками внутри интеграционного объединения необходимы культура-посредник и язык-посредник. Транзитный характер региона предоставляет большой выбор посредников: Центральная Азия продолжает быть перекрестком, в пределах которого сосуществуют разные языки и культуры — тюркские, славянские, монгольские, иранские. За право быть языком-посредником с русским языком соперничают такие мировые языки, как английский и китайский.

После принятия в декабре 1991 г. декларации о прекращении существования СССР государства Центральной Азии «открылись внешнему миру», началось их самостоятельное взаимодействие с Китаем, другими азиатскими странами, государствами Европы, США, было «прорублено окно» не только в Европу, но и в Азию, Америку. Новые внешние игроки получили шанс вести образовательную, культурно-просветительную, миссионерскую деятельность в регионе, напрямую общаться с элитами и принимать участие в их формировании.

В целом политику руководства центральноазиатских государств в 90-е и нулевые годы можно охарактеризовать как поиски культурной и языковой многовекторности в сочетании с приоритетом на развитие атрибутов суверенитета. В данном исследовании мы попытаемся определить особенности культурной и языковой многовекторности центральноазиатских государств. Стратегия поисков многовекторности проявляется в том числе и в языковой политике.

Любая хоть сколько-нибудь крупная цивилизация современного мира полилингвистична. Явление «полилингвизма» не является уникальным, оно широко распространено во всем мире. Можно привести множество государств, в которых государственные языки используются в сочетании с другими языками, например, французским (Северная Африка), английским (Индия, арабские государства Персидского залива), португальским (Ангола, Мозамбик), русским (независимые государства наследия СССР).

Полилингвизм тесно связан с межцивилизационными отношениями. На наш взгляд, необходимо отличать полилингвизм в рамках гомогенной цивилизации от полилингвизма в рамках гетерогенной цивилизации. У народов, принадлежащих гомогенной цивилизации, есть общие культурные первоисточники, общие «классические языки». Гомогенность цивилизации связана с общей культурной и религиозной предысторией. Ярким примером полилингвизма в рамках гомогенной цивилизации является Европа, в свое время объединившая множество народов под общим знаменем индоевропейского происхождения, христианства, эллинистической, римской и византийской культур. Показательно,

что базовая гуманитарная и научно-техническая терминология в большинстве современных европейских языков развивалась по общим законам и на основе наследия Римской империи и Византии с использованием «классических языков», таких как латынь и греческий. Политическое и экономическая общность Европейского региона подкреплялась онтологической, языковой и культурной унифицированностью.

Фактором, во многом способствующим цивилизационной гомогенности, является и языковое сходство на уровне типологии: большинство современных языков Европы принадлежит к индоевропейской языковой семье, следовательно, словообразование в этих языках подчиняется общим структурным правилам. Словообразовательные аффиксы и суффиксы, используемые в образовании терминов, являются общими для всех европейских языков и могут выражать весь спектр научной терминологии различных отраслей. Несмотря на важность типологического родства языков, все же нельзя ее абсолютизировать. Нередко народы с типологически сходными языками находятся в разных геополитических зонах (русские и поляки, сербы и хорваты).

В отличие от полилингвизма в рамках Европы полилингвизм евразийского пространства Центральной Азии сложился в рамках цивилизационной гетерогенности, основанной на взаимодействии разных цивилизаций и разнотипных языков. Евразийское пространство — это перекресток славянского, тюркского, монгольского, китайского и иранского миров. Долговременное историческое взаимодействие между народами РФ и неславянскими евразийскими народами Центральной Азии было и является залогом цивилизационной общности и обеспечивает «духовные скрепы» союзнических отношений. Успех российского этноса по налаживанию продуктивных и взаимовыгодных отношений с неславянскими народами, приобщившимися на этапе своего исторического развития к наследию Российской империи, а затем СССР, во многом обусловил своеобразие современной России, ее коренное отличие от других игроков на центральноазиатской геополитической арене.

Трудности языкового взаимодействия между русским языком и языками неславянских народов, наблюдаемые нами и поныне, были вызваны различиями в процессе цивилизационного генезиса. Русский язык и языки народов Центральной Азии черпали базовую терминологию из разных источников. Латинский и греческий как «классические языки» не были в ходу в тюркском и иранском мире. При формировании терминологии на тюркскую и иранскую языковую базу наложились элементы других «классических языков»: арабского и персидского, долгое время служивших донорами терминологии в гуманитарной, религиозной, социальной сферах. Этот лексический пласт получил отражение в языках современных тюркских и иранских народов Центральной Азии.

Необходимо помнить, что изначально языки среднеазиатских народов формировались в другой орбите: в орбите тюркской кочевой, а затем исламской центральноазиатской цивилизации. Фактор цивилизационной гетерогенности и присутствие в Центральной Азии альтернативных незападноевропейских «классических языков» (доноров терминологии) сделал невозможной полную

унификацию терминосистем русского языка и языков центральноазиатских республик СССР.

Тем не менее использование русского языка ныне является одной из ключевых составляющих сохранения «российского вектора» в политике центральноазиатских стран. Преподавание русского языка как неродного было и остается ключевым фактором в формировании и поддержке «преемственности идентичности» в странах Центральной Азии. После обретения государственной независимости бывшими республиками СССР мы стали свидетелями резких перемен в развитии и функционировании в них русского языка. Официальная языковая политика национальных государств Центральной Азии на современном этапе включает в себя три основных направления:

- 1) декларирование самодостаточности национальных языков;
- 2) всемерное развитие государственного языка, его изучение, защита чистоты литературного языка;
- 3) оказание помощи в овладении государственным языком всем гражданам государств независимо от их национальности.

Место русского языка в культурно-языковом пространстве центральноазиатских государств оценивается многими центральноазиатскими филологами в контексте феномена многовекторности и полилингвизма. Развитие понятия «полилингвизм» раскрыто в статьях М. Джусупова [2] и других центральноазиатских лингвистов и культурологов [1, 3]. Согласно М. Джусупову «...язык может обладать одновременно двумя статусами — официальным и образовательным (например, русский язык в России). Билингвизм с участием русского языка в странах СНГ, который сопровождает процесс обучения русскому языку как неродному, является “необязательным”, так как русский язык в этих государствах, как правило, не имеет статуса государственного или официального. Поэтому билингвизм с участием русского языка, который существует и/или формируется в странах СНГ, “добровольный” и создается в основном за счет обучения русскому как неродному» [2].

М. Джусупов справедливо отмечает, что «международный образовательный статус русского языка (“русский язык как неродной за пределами России”) — непостоянная категория: если русский в странах СНГ (или в одной из стран СНГ) не будет преподаваться как обязательная школьная и вузовская дисциплина, то на этом географическом пространстве, в этом конкретном государстве его международный образовательный статус как неродного исчезнет». «В этом случае русский становится дисциплиной изучения по выбору, что может привести к резкому сужению его социальных функций в странах СНГ» [Там же].

Языковую ситуацию в республиках Центральной Азии можно охарактеризовать следующим образом:

1. Граждане постсоветских центральноазиатских республик в повседневной жизни продолжают использовать государственные языки в сочетании с русским языком. В то же время терминология гуманитарной сферы в казахском, узбекском, киргизском и туркменском языках строится с учетом особенностей языков тюркской структуры, а терминология таджикского языка формируется на основе словообразовательных моделей, характерных для иранских языков.

В отличие от русского языка языки центральноазиатских народов практически не используют латинские и греческие корни, а также принятые в европейских языках словообразовательные приставки и суффиксы.

2. Изучение русского языка является актуальным для потенциальных участников трудовой и образовательной миграции на постсоветском пространстве. Следует подчеркнуть, что владение терминологией русского языка в ключевых сферах деятельности, знание кириллического алфавита объективно являются элементом общей идентичности граждан республик Центральной Азии и отличают их от турков Турции, уйгуров, казахов и киргизов КНР, афганских узбеков и таджиков, иранских туркмен и др.

3. В силу цивилизационной предыстории национальная гуманитарная элита и исламское духовенство центральноазиатских государств являются хранителями общетюркских культурных реалий, персидской классической литературы и теологических терминов арабского языка.

4. Население центральноазиатских государств является субъектом терминологического полилингвизма, в котором различные направления деятельности могут обеспечиваться сочетанием разных языков.

Можно выделить такие исторические факторы, влияющие на формирование терминосистем тюркоязычных и ираноязычных народов на южных границах РФ, как общетюркская, общеиранская предыстория и предыстория в рамках ислама. Следы тюркской, иранской и исламской предыстории видны в арабских и персидских элементах терминологии гуманитарной и религиозной сфер. В настоящее время проходит процесс дополнения национальных терминосистем реалиями индустриального и постиндустриального обществ.

Сохранение международного образовательного статуса русского языка, его гармоничное сочетание с национальными терминосистемами центральноазиатских государств является залогом геополитического статус-кво на постсоветском пространстве и обеспечивает связь между старшим и младшим поколениями. Вышеупомянутый полилингвизм должен быть сохранен и пользоваться поддержкой на всех уровнях. Попытки замещения русского языка другими языками (например, переход на английский язык), а также скоропалительный отказ от использования алфавитов на кириллической основе могут вызвать ситуацию «когнитивного диссонанса» и создать препятствия для процессов интеграции Евразии.

Необходимо отметить, что ситуация многоязычия характерна и для западных районов КНР, где у титульных народов центральноазиатских государств есть «двойники» (уйгуры, казахи, таджики и киргизы, проживающие в СУАР КНР) [7]. Полилингвизм тюркоязычных народов КНР заключается в сочетании, например, уйгурского языка с китайским общенародным языком путунхуа. В этой комбинации тюркские, иранские элементы, а также исламские понятия, отраженные в арабских и персидских заимствованиях, сосуществуют в уйгурском языке с элементами конфуцианства и социалистической идеологии КНР [4].

В условиях современного глобального общества трудно предсказать динамику развития полилингвизма в Центрально-Азиатском регионе. Однако при

неблагоприятном стечении обстоятельств можно предвидеть следующие вызовы языковому единству народов Евразии:

1. «Поворот на Запад» — увеличение обслуживающей роли английского языка, придание русскому языку статуса иностранного языка наряду с другими языками.

2. «Поворот на Восток» — возвращение классических исламских языков Востока: арабского и персидского, восстановление арабского алфавита.

3. «Тюркское братство без России» — усиление тюркской составляющей и латинизация алфавитов как предпосылка к усилению турецкого влияния.

Варианты дальнейшего развития языковой ситуации в Центрально-Азиатском регионе зависят от того решения, которое примет элита центральноазиатских государств. В истории постсоветских государств Евразии неучет фактора «цивилизационной гетерогенности» приводил к недопониманию между национальными элитами центральноазиатских республик и российской элитой, взаимному отчуждению патриотических, интеграционных сил в РФ и ЦА. Напротив, в 90-х гг. прошлого века Турция, прежде не игравшая никакой роли в Центральной Азии, превратила фактор общего этногенеза и языкового родства в инструмент влияния на умы представителей центральноазиатских элит.

Ученые сходятся во мнении, что логические оппозиции по линиям «европеец — азиат», «тюрк — славянин», «христианин — мусульманин», «тюркоязычный — ираноязычный» ведут к размыванию предпосылок для евразийской интеграции [5]. Верные, но абстрактные экономические выкладки, доказывающие выгоду интеграции, желательно подкрепить соответствующими объединяющими культурными символами, над созданием которых еще предстоит поработать. Таким образом, успех евразийских интеграционных проектов напрямую связан с поддержкой полилингвизма при сохранении образовательного статуса русского языка, но с учетом фактора цивилизационной гетерогенности и множественности цивилизаций.

1. Василькова Г. А. Формирование русско-киргизского билингвизма в Киргизской Республике // Вестн. Киргиз.-Рос. славян. ун-та. 2011. Т. 11, № 3. С. 6–8.

2. Джусупов М. Образовательный статус инофонного языка в тюркском мире евразийского полиэтничного пространства // Слово.ру: балтийский акцент. 2012. № 2. С. 91–95.

3. Ешимбетова З. Б., Демеуова А. М. Казахстанское «трехъязычие» — уникальная формула языковой политики // Инновации в науке. 2012. № 11–2. С. 19–24.

4. Кадырбаев А. Уйгуры, казахи и киргизы — тюркские народы современного Китая // Россия и мусульманский мир. 2012. № 1. С. 94–99.

5. Нургалин З. А. Концепция Евразии и Россия // Вестн. Башк. ун-та. 2012. Т. 17, № 2. С. 1013–1014.

6. Путин В. Россия и меняющийся мир // Рос. газета. 2012. 27 февр.

7. У Хунвэй. 2009 нянь Чжунъя чжэнчжи цзинци синши юй вэйлай фачжань цюши (Политическая и экономическая ситуация в государствах Центральной Азии в 2009 году и прогнозы на будущее) // Элосы, Дуноу, Чжунъя гоцзя фачань бао гао (Ежегодный отчет по развитию России, стран Восточной Европы и Центральной Азии). Пекин, 2010. С. 27–26.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.